

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА

Моё
ИНДЕЙСКОЕ
Лето

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Елена Вячеславовна Нестерина

Моё индейское лето

Серия «Мой первый роман»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69608176
Моё индейское лето. Повесть: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-158519-8*

Аннотация

Елена Нестерина – современная писательница, драматург. Она как никто другой умеет поднимать в своих произведениях сложные темы.

Ульяна – девочка-путешественница. Большую часть своей жизни она летает по миру со своим отцом-переводчиком. В этот раз она оказалась в Нью-Йорке и потерялась. Девочка очутилась одна в центре мегаполиса без телефона и почти без денег. На помощь ей пришёл настоящий индеец Харви. Так началось её индейское лето...

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Нестерина

Моё индейское лето

Повесть

* * *

© Нестерина Елена, 2023

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Девочка в небе

Летать на «Боинге» приятно. Занятно. Тревожно. Интересно. Как ещё? А ещё – чудесно. Да! Наверное, это самое точное слово. Ведь ты находишься там, где совершается чудо.

«Боинг-767» огромный как дом, грузовой начинки в нём больше его собственного веса – но летит! Летит, чудесный. И чем больше воздушное судно, тем труднее обычному человеку представить, что такое возможно. Чего только люди, казалось бы, за последнее время не видели, а полёт самолёта всё равно завораживает. Может лететь камень, брошенный чьей-то рукой, может снаряд, который сжатая огненно-пороховая сила вытолкнула из оружейного ствола. Но ведь всё это летит не само по себе. Когда же по небу мчится, как какой-нибудь воробей, огромная машина, то душа замирает в восхищении. Разве что совсем прагматик останется равнодушным. Большинство же будет трепетать, пусть даже тщательно скрывая свои чувства.

Ульяна сидела в среднем ряду с краю. Впереди, позади, справа и слева было множество людей. Самолёт был полон вещей, еды, воды, электроники, где-то внутри располагались

топливо и багаж. По проходам деловито бродили бортпроводники, пару раз мелькнули дяденьки в форме пилотов. Скоро полёт начнётся. До того момента, как самолёт оторвётся от шереметьевской взлётной полосы, остались считанные минуты. И через десять часов «Боинг» будут ждать в аэропорту имени Джона Кеннеди города Нью-Йорка.

Десять часов – это больше, чем рабочий день, это как два раза сходить в школу на шесть уроков. Полдороги на поезде от Москвы до Урала, треть до Крыма...

Многие жалуются, что в самолёте скучно: спать не хочется, а заняться особо нечем. Иногда даже облаков в иллюминатор не видно (особенно если сидишь возле крыла и летишь ночью на высоте десять километров над землёй). Еда невкусная, кино крутят плохое. Все книги давно прочитаны, музыка прослушана, на телефон смотреть даже не хочется. Рядом незнакомые люди. Да ещё уши закладывает. И накатывают клаустрофобия с аэрофобией. А даже если и не накатывают – всё равно скучно... Остаётся только одно – мучиться и терпеть, терпеть и мучиться.

Ульяна Кадникова ни на что подобное не жаловалась. За свои пятнадцать лет – особенно за вторую их половину – она налетала много тысяч миль. Но всё равно каждый раз полёт был для неё праздником. Ульяна садилась в кресло – и начинала наблюдать. Да, именно так. Наблюдать. Как салон самолёта наполняется людьми, как бортпроводники успокаивают суесящихся пассажиров и проводят шоу по технике безопас-

ности. Она всегда внимала тому, что говорят в динамиках перед взлётом, слушала, как лайнер заводит моторы, отслеживала, как он разворачивается, форсирует скорость, отрывается от земли... И как он летит. Ульяна вслушивалась в работу двигателей, ей казалось, что она чувствует сопротивление воздуха, порывы ветра, ощущает, как оседает облачная влага на обшивке, как её схватывает мороз... Время от времени мониторы в салоне показывали карту – и было видно, где в данный момент летит самолёт, какая температура за бортом, а какая там, куда он направляется, сколько осталось до конечного пункта и который там час. Ещё Ульяна прислушивалась к разговорам бортпроводников (вдруг они получили сигнал о неполадках или возможном крушении?!); бродила по проходам, каждый раз удивляясь своей неуверенной походке, хотя на борту, как и на палубе трансокеанского лайнера, качки не чувствуется.

Ульяна не боялась попасть в авиакатастрофу. Она знала, что даже в самой критической ситуации они с папой обязательно что-нибудь придумают, чтобы спасти свои жизни, не теряя человеческого достоинства. Или чтобы спокойно встретить неизбежную смерть. В знаменитом фильме «Титаник» так поступили одни старички – не стали бегать по коридорам и палубам в попытках спастись, а тихонько улеглись в своей каюте и начали ждать... Понятно, что не чудесного спасения, – смерти. Ульяна их очень уважала. Она давно для себя решила, что в случае катастрофы поступит точно так

же, и заставила папу пообещать, что он к ней присоединится.

Папа пообещал.

Это было лет шесть назад.

И с тех пор Ульяна летала с удовольствием.

* * *

Они с папой были совсем одни на свете. Много лет назад Ульянина мама ушла из семьи, а потом и из жизни. Вернее, семью она оставила точно. А вот покинула ли она этот мир – установить так и не удалось. Произошло это где-то на пляжах Гоа. Заплыла однажды в океан – и не выплыла оттуда. На её поиски отправился катер со спасателями, несколько гидроциклов, вертолёт долго кружил над побережьем. Но её не нашли ни живой, ни мёртвой. Рассказывали, что спустя годы то в одном, то в другом поселении беззаботных курортников видели похожую на неё женщину. Она была весела и красива, пребывала в уме и здравии и вызывала уважение окружающих. Однако на родине мать девочки по-прежнему считали пропавшей без вести. Папин юрист собрал целую подшивку документов, где чего только не было: и судебное решение о признании Марьяны Кадниковой безвестно отсутствующей, и результаты поисков на предполагаемом месте гибели, и показания свидетелей, которые видели её последними. Даже свидетельство о расторжении брака папе выдали. «Если она там где-то замуж вышла, так пусть это будет

на сто процентов законно», – так решил папа. И ещё раз пожелал своей свободолобивой Марьяне счастья. В смерть её Иннокентий не верил. И с чистой совестью везде сообщал, что он в разводе, а не вдовец, потому что свидетельства о смерти супруги у него по понятным причинам не было.

Папа знал мамин характер: если ей что-то надоедало, то уже навсегда, если она переставала кого-то любить, то любовь её было не вернуть, если что-то задумывала – то осуществляла... Знал, а потому не верил, что она когда-нибудь вернётся. Он сумел объяснить Ульяне, что она стала девочкой без мамы и с этим надо смириться.

Ульяна часто думала о маме, которую даже не помнила, и от всего сердца желала ей счастья и удачи. Девочке казалось, что счастье и удача – это самое важное.

А ещё Ульяна понимала: не всё в жизни бывает так, как ты хочешь. Иногда хоть расшибись в лепёшку, а всё равно ничего не изменишь. Значит, лучше не расшибаться, а отступить. Может, Ульяна была серьёзнее, чем её ровесники, но в чём-то, наоборот, оставалась ребёнком – была совершенно беззаботной, беспечной и эгоистичной. В их с папой маленьком мире на двоих это оказалось нетрудно. Их жизнь была закрытой, и девочка с ранних лет научилась никого в неё не пускать. Не пускать, не позволять вмешиваться в их дела, комментировать, оценивать, давать советы, что-то предлагать, что-то просить. «Со всеми проблемами мы справимся сами...»

Сами.

У них не было родственников, разве что бабушка, которая несколько лет назад с небольшими вариациями повторила судьбу невестки: вышла на пенсию, потом на тропу войны за здоровье и молодость, а потом замуж – после чего продала квартиру, уехала в деревню к супругу и открыла магазин хозяйственных товаров. Её единственный сын и внучка жили теперь сами по себе. Все их вещи умещались в два чемодана, с которыми удобно было перемещаться по миру. Ни к чему не привязываться, ничего не копить – под таким девизом жили Ульяна и её папа. В любой момент они могли сорваться с места и умчаться на край света. Что они охотно и делали.

Они объехали полмира, но каждый раз их манили неизведанные страны – на их освоение папа и дочка планировали потратить всю оставшуюся жизнь. Ведь жизни этой впереди было ещё очень-очень много!

А сейчас молодой и красивый Ульянкин папанец летел жениться. Его свадьба с Ребеккой Тыквер, женщиной прогрессивной, отчаянно кудрявой и в высшей степени порядочной, должна была состояться через четыре недели. Рождение совместного ребёнка Ребекки и Иннокентия – через шесть месяцев. Когда новая папина жена сможет удочерить Ульянку, зависело от решения департамента по делам детей боро Бруклин города Нью-Йорка.

Но это когда ещё случится – а пока полусиротка Улья-

на с восхищением и предвкушением счастья уставилась на пышущую здоровьем мулатку-бортпроводницу, которая демонстрировала пассажирам авиалайнера принцип работы кислородной маски.

Да, скоро Ульяновкина жизнь радикально изменится, скоро всё будет так, как никогда не было, а вот так, как было, точно уже никогда не будет. Ну а сейчас – сейчас есть огромный

«Боинг»-дом. И он полетел! Разогнался, задрожал, завибрировал, заревел, оторвался от асфальта, спрятал шасси – и наконец рванул в небо!

Папин и Ульяновкин мир постепенно становился шире – ещё несколько часов, и его неотъемлемой частью станут Ребекка с её семейством. А ещё через полгода появится малыш. Что-то будет... Хорошо это или плохо – Ульяна пока не могла решить. Загадывать на будущее девочка не любила, не умела и не пыталась научиться. Ей нравилась Ребекка – такая непохожая на них с папой, её хотелось схватить в охапку и не отпускать от себя, наблюдать за ней, холить и лелеять. Ребекка была очень интересной. А раз её полюбил папа – значит, она вообще явление из ряда вон выходящее. Так что бороться с кудряшкой Бекки за папину любовь и внимание Ульяне даже в голову не приходило.

Загремели по проходу тележки с напитками, папа и Ульяна выдули кофе с молоком, сжевали по пакетику снеков.

Папа вытащил ноутбук и погрузился в работу.

Ульяну ждала в телефоне игра. Но девочка не торопилась её включать. Откинувшись в кресле и закрыв глаза, она попыталась осознать то, что за все дни сборов и суеты осознать не удавалось: пришла пора сказать: «До свидания, родина, здравствуй...»

Что именно «здравствуй», Ульяна додумать не успела.

– Простите, хочу сообщить, что в бизнес-классе есть одно свободное место... – вдруг раздалось по-английски прямо над её ухом, и она открыла глаза. – ...И мы хотели бы предложить вашему ребёнку его занять.

Широко улыбаясь, бортпроводница тронула папу за плечо и повторила эту же фразу по-русски. Получилось у неё плохо, но папа всё понял, принялся её благодарить и потряс Ульяну за плечо.

– Спасибо большое, но нет, я не пойду, я останусь здесь! – замотала головой Ульяна.

– Это совершенно бесплатно и очень комфортно! – снова улыбнулась проводница. – Вы сможете спать лёжа, вам будет просторно, уютно. И это совсем рядом... – С этими словами стюардесса показала на плотную синюю штору, которая отделяла одну часть салона от другой. – Видите: ваш папа будет поблизости.

– Нет-нет-нет, больше спасибо, я останусь на своём месте, не беспокойтесь, пожалуйста...

– Вы единственный ребёнок здесь, поэтому...

– Мы заплатили за билет в эконом-классе... – начала было

Ульяна.

Но стюардесса её перебила:

– Ничего доплачивать не нужно, это бесплатно!

– Тем более, – уверенно покачала головой Ульяна. – Я рада, что вы решили предложить это место именно мне. И мне очень жаль... Но – нет.

Она посмотрела в лицо бортпроводнице с искренней признательностью. Затем вытащила из пакета пледик, уютно укуталась в него и улыбнулась:

– Спасибо.

Бортпроводница тоже улыбнулась, видимо, стараясь скрыть удивление, и ушла.

– Вот ты как, – обратился к Ульянке до этого молчавший папа.

– Ну не могу я по-другому, – призналась Ульяна. – Не могу принять то, за что не платила. Даже как самый младший пассажир на борту.

– Ну и что это – комплекс? – прищурившись, спросил папа.

– Не знаю... – честно ответила Ульяна. – А ты-то сам разве не так же поступил бы на моём месте?

– Даже не знаю... – пожал плечам папа. – За всю жизнь я так и не понял, как правильно вести себя в подобных ситуациях. Ну а вообще, конечно, я бы сделал, как ты. Это твой выбор – так что будь спокойна.

В это время мужчина, сидевший в соседнем ряду и слы-

шавший разговор Ульяны с проводницей, быстро сориентировался и, обогнав эту самую проводницу, ещё не успевшую ему ничего предложить, помчался в салон бизнес-класса. Оттуда он уже не вернулся – значит, в отличие от своих недавних соседей, не постеснялся и разместился там на вполне законных основаниях.

Ульяна и папа, переглянувшись, хихикнули и занялись своими делами.

Самолёт летел в Нью-Йорк...

За бортом был океан, Гренландия, Канада, леса, озера, города и городишки. Всего этого Ульяна не видела, потому что до иллюминатора ей было столько же, сколько до того самого бизнес-класса. Но она знала, что они там есть.

Наконец, объявили, что самолёт заходит на посадку, началась радостная суета.

И вот – свежий ветер, яркий солнечный свет, жара.
Америка!!!

Глава 2

«Взвейтесь, соколы, орлами!»

В аэропорту имени Джона Кеннеди Ульяна уже бывала (правда, транзитом, проведя в зале ожидания два часа и пересев в самолёт до аэропорта Хартсфилд-Джексон¹). Получается, в Америке она уже второй раз.

Спасибо папульке!

Ульянин папа работал переводчиком на международных проектах. И заслужил репутацию такого опытного синхрониста, что ему постоянно поступали всё новые и новые предложения. Так что папа мог даже капризничать и выбирать, на какую работу соглашаться. Он перестал работать в сфере бизнеса и отдавал предпочтение только тем проектам, которые приносили пользу планете и окружающей среде, боролись с разными болезнями, общественными проблемами или были связаны с культурой и искусством. Пусть денег за это платили меньше, их всё равно хватало. Конечно, он мог показаться кому-то снобом: мол, такой разборчивый. Но это была его жизнь и его выбор. Другой-то жизни не будет, всех денег не заработаешь, на всех стульях не усидишь. Где-то в неведомых краях точно так же, видимо, размышляла и его

¹ Международный аэропорт Хартсфилд-Джексон – аэропорт в штате Джорджия, располагающийся недалеко от Атланты (здесь и далее прим. автора).

свободолюбивая жена, только поступала она ещё радикальнее. Ну что ж, все люди разные.

Работал себе и работал папа – и однажды оказался на большом конгрессе экологов. Проходило мероприятие под городом Атланта в этой самой Америке. Ранним летом, а потому – ну как не взять с собой ребёнка?

Одинокого отца с несовершеннолетней дочерью впустили в страну, радостная Ульянка высадилась в аэропорту Атланты с открытым ртом, надеясь увидеть всё то, чем славится страна цивилизационных чудес. Но вместо этого две недели моталась вслед за папенькой по лесам. Да, по настоящим лесам, потому что участники программы учились охранять парки и заказники, на американских просторах передавая друг другу опыт. А парков этих здесь оказалось видимо-невидимо! Если не смотреть на карту, то можно было решить, что Соединённые Штаты Америки – вообще один сплошной парк.

Сначала Ульяна запоминала, что интересного было в одном парке, что в другом. Но постепенно все эти Медлок-парк, Грант Роуд-парк, просто Грант-парк, Уиннона-парк, Сентенниал-Олимпик-парк, Панола-Маунтин-парк, Браунвуд-парк и многие-многие другие слились в её памяти в один тщательно ухоженный и удобренный лес. С дорожек которого, впрочем, сворачивать было категорически запрещено. Ведь кругом были ядовитые змеи, насекомые, растения! Травить и гнать их из парков ни в коем слу-

чае нельзя, чтобы не нарушать экологический баланс. Так что пособирать грибы-ягоды, погонять ёжиков и покормить белочек особо не получится. Дышите, люди, свежим воздухом, гуляйте по дорожкам – пешком, на роликах или велосипеде. А погуляли – и домой.

Набравшаяся сил на свежем-пресвежем воздухе, наевшаяся экологически чистой еды, Ульяна возвратилась в Москву, уверенная, что побывала не в США, а в канадской глубинке. И испытала бы лёгкое разочарование от поездки, если бы не...

Если бы папа не влюбился!

Ребекка Тыквер тоже переводила – с итальянского на английский. Итальянская делегация, тщательно охранявшая парки и заповедники Апеннинского полуострова, требовала к себе много внимания. Но и Ульянкиного папу Ребекка вниманием не обделяла.

И тут папа расцвёл. Он и раньше-то не чах, а в этих дебрях ещё и понял, как это приятно и весело – взаимная любовь.

Никакие обязательства прекрасную Ребекку ни с кем не связывали, и вскоре она приехала к Иннокентию в гости. Наличие Ульянки в жизни возлюбленного её не смущало: в Америке одинокий папа с ребёнком – явление привычное. Тем не менее, отдыхать на Майорку Иннокентий и Ребекка отправились вдвоём. Ульяна удивила мисс Ребекку тем, что спокойно согласилась остаться на две недели одна дома без присмотра. Ну, со звонками бабушки, конечно, а также с её

визитом, но в основном планировала жить самостоятельно.

Конечно, сначала Ребекка предложила нанять Ульянке няню – так было положено в её стране. Положено ли это в России, папа точно не знал, но за Ульяну несколько не волновался.

– А если соседи обратятся в полицию? – удивилась Ребекка. – Увидят, что девочка живёт одна, и донесут на вас. А оттуда в органы опеки. И тогда...

Папа и Ульяна долго убеждали её, что такого точно не будет.

Однако Ребекка продолжала волноваться: ей очень не хотелось, чтобы за этот непедагогичный проступок Иннокентия предали суду и лишили родительских прав. Правда, через некоторое время она вспомнила нелепую историю, связанную с тем, как когда-то для её двоюродного брата уезжавшие родители в спешке искали няню. Разумеется, они её нашли. Но...

– Работать в их штате можно с шестнадцати лет, – смеясь, объясняла она, – а до шестнадцати человек считается ребёнком. И вот нашему пятнадцатилетнему Джону наняли в няни семнадцатилетнюю Меган – бдительные соседи сообщили в полицию, что брошенный заработавшимися родителями Джон в течение семи часов сидит один дома. Няня начала трудовую вахту, бдительные соседи отметили её появление и успокоились. А зря: в выходные вместе с няней к воспитаннику пришли и её друзья. И не уходили дня три. Всем, кро-

ме соседей, тогда было весело. А Джон и Меган друг другу очень понравились. Им было так хорошо вместе.

Ребекке и Иннокентию тоже было вместе очень хорошо, и вскоре Ульянов папа сделал подруге предложение стать его женой и поселиться в Москве или в любом другом городе мира. Ребекка Тыквер согласилась стать Ребеккой Кадникофф и жить со своим мужем хоть на Северном полюсе, но только чтобы бракосочетание непременно состоялось на территории США, в её родном городе. Родители Ребекки мечтали о пышной свадьбе единственной дочери, а бабушка Эсфирь отказывалась умирать, пока малютка Бекки не покажет ей своего супруга.

Сначала папа Иннокентий пришёл в ужас от того, какие сложности его ждут в связи с международной свадьбой. У невесты, как она спустя некоторое время призналась, даже мелькнула мысль, что жених решил дать задний ход. Но, к счастью, и женишок от своего предложения отказываться не собирался, и сложностей предстояло не так много, как казалось вначале.

Ульянкин папа был атеистом, а потому запереживал, не воспротивятся ли родственники Ребекки. Узнав, что беспокоит жениха, она захохотала и сообщила, что вот уже несколько поколений её предков являются протестантами, да и то очень формальными: ни её бабушка с дедушкой, ни родители даже не венчались. Их хватает лишь на празднование Рождества и Пасхи, пышных свадеб, трогательных кре-

стин и организованных по всем правилам похорон. Так что Иннокентия ждала скромная роспись в нью-йоркской мэрии и роскошное свадебное гуляние в ресторане. Поесть и повеселиться родственники Ребекки любили.

Аллилуйя!

Так что дальше всё пошло легче. По скайпу Иннокентий познакомился с родителями невесты. Попросив руки Ребекки, он хлопнул со своей стороны экрана по ладони отца семейства Вашингтона Тыквера и увидел, как всплакнула на другом конце планеты будущая тёща. Бабушка Эсфирь поразила его больше всех, потому что разудало крикнула по-русски:

– Мы согласны! Вашингтон Моисеевич согласен. И Барбара... Как же тебя... Джоновна... А, значит, Ивановна! И Ивановна согласна! Горько! Взвейтесь, соколы, орлами! – И дзынькнула по экрану компьютера бокалом с шампанским.

Иннокентий замолчал от неожиданности, но тут вмешалась невеста и сообщила обеим сторонам, что все очень рады.

Родители Ребекки начали подготовку к свадьбе.

Процесс пошёл.

И через некоторое время Ульянину папе пришло из Америки приглашение. Папа начал собираться: отсидел множество часов в разных конторах и представительствах, накопил тонны всевозможных документов и распечатанных фотографий...

Только вот если свадьба сорвётся, в Соединённые Штаты такого не оправдавшего доверие жениха если и пустят, то нескоро и с большими сложностями.

Ну а пока пустили. И уже через час после приземления «Боинга» Ребекка Тыквер вместе с женихом, его дочерью и их багажом мчалась из аэропорта Кеннеди в дом своих родителей. Ярко, совсем по-летнему светило солнце.

Довольно быстро машина свернула в жилые кварталы. Безликие многоэтажки, пустыри, заросшие камышом и рогозом лужи, разрытые котлованы и помойки – всё это очень напоминало обычную окраину любого областного города России. Разве что восьмиэтажек из такого тёмного коричнево-малинового кирпича у нас нет. Наверное, этот кирпич делали из местной глины. В остальном же картина была знакомой...

– Мы едем по Квинсу, – пояснила Ребекка. – Район такой. Тут многолюдно. Но он скоро кончится.

Ульяна знала, что их путь лежит в Бруклин. Понятно, что Квинс не Манхэттен, как Алтуфьево не московское Бульварное кольцо. А Бруклин... Он разный.

Среди улиц с добротными домами в пять этажей и выше стали попадаться особняки с лужайками и кустами роз, отделённые друг от друга аллеями и даже маленькими парками. Всё такое красивое и спокойно-нарядное. Явно не новое, чем-то отдалённо напоминающее Италию. Или Францию –

что-то такое виделось во всём бретонское... Словно декорации в компьютерной игре: вроде нарисовано всё то, что есть на самом деле, но изменено до неузнаваемости.

Не успела Ульяна определиться, что же именно напоминают эти пейзажи, как машина въехала в ворота и остановилась. Перед ними стоял небольшой серо-коричневый особняк, похожие уже попадались за поворотом. Обвивший его плющ, тронутые желтизной кусты навевали покой и уют.

В дверях тут же появились родственники – из разговоров по скайпу стало давно понятно, что они такие же эмоциональные, как и Ребекка.

Ульяна и её папа немного растерялись от напора давно поджидавших их Тыкверов. Но держались достойно. Хотя Ульяна думала, что сойдёт с ума – её хватали, обнимали, хлопали по спине, целовали. А она так не любила, когда к ней кто-то прикасался! Даже когда просто брал за руку! Ни в детском саду, ни в школе она не могла заставить себя ходить парой с кем-нибудь из детей. Просто шла рядом, довольно быстро убедив своего соседа не обижаться. Ей были настолько неприятны чужие прикосновения, что её просто бросало в дрожь. Ульяне казалось, будто таким образом люди вторгаются в её мир. Но ведь у каждого должно быть своё пространство! Поэтому Ульяна не подпускала к себе никого ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Она сторонилась бесцеремонных весельчаков и болтливых тусовщиц. Даже в толпе старалась идти обособленно, а в переполненном ваго-

не метро выбирала место у самых дверей или где-нибудь в уголке. Ульянка и с папой-то не обнималась, не чмокала его при встрече и прощании, даже когда была маленькая, не лезла к нему посидеть на коленках. Ну, вот так сложилось. Фобия – не фобия? У каждого свои таракашки. Ульянкины тараканы были недотрогами.

А сейчас Ульяна терпела. Это были её новые родственники, которые хотели её поприветствовать. Поэтому шарахаться и обижаться было бы глупо.

Вот Ульяна и не шарахалась. Таракашек-недотрог заставила затаиться по углам.

Правда, вот-вот готова была свалиться в обморок.

Ребекка, у которой был настоящий талант общения и добрая душа, кажется, поняла, что творится с девочкой. И потихоньку оттащила её в сторону.

А родственники всё никак не могли уgomониться. Ребекка постоянно находилась на передовой, так что уже через двадцать минут все сидели в большой гостиной, пили ледяной чай и, перескакивая с одной темы на другую, то расспрашивали жениха, то в несколько голосов рассказывали историю о том, как породнились семьи Тыкверов и Стетсонов.

Ульяна расположилась в маленьком кресле, в которое умещался только один человек (к нему её подтолкнула Ребекка). И, чувствуя, что теряет нить повествования, совсем отключилась от разговора. Ей хотелось только под душ и в кровать...

Хлопая глазами, Ульянка наблюдала за собакой, притаившейся под креслом бабушки Эсфирь. Собака была серо-белая и мордастая, видимо, английский бульдог. Несмотря на то, что Ульяна и её папа были новыми людьми в этом доме, собака почему-то не обращала на них внимания. Её настроженный взгляд был направлен на пожилого мужчину, сидевшего в правом углу большого дивана. Скажет ли он что-то, махнёт ли рукой, поднесёт ко рту стакан или поставит его на столик – собака всё фиксировала. Если же он поднимался на ноги, она тоже вставала и угрожающе рычала. Так что бабушка Эсфирь даже ойкала от неожиданности, видимо, каждый раз забывая, что под её креслом лежит собака и она вполне способна подавать признаки жизни.

Мужчина, если Ульяна правильно поняла слова Ребекки, которая представляла новых родственников друг другу, был зятем сестры Эсфири. Может быть, он не нравился бабушке, может, её сестре, а может, и самой дочке бабушкиной сестры – и собака с той, кому он не нравился, была солидарна...

Придя к такому выводу, Ульянка хихикнула. На неё тут же обратили внимание, заахали, принялись расспрашивать. Но мама Ребекки, Барбара (она казалась самой спокойной в этом балагане), подошла к Ульяне и предложила отправиться отдыхать в её будущую комнату.

Девочка благодарно улыбнулась и двинулась за ней. Проходя мимо папы, она поймала его одобрителный кивок. Бекки помахала ей двумя пальцами.

А когда Ульяна прошла вдоль дивана и дошла до мужчины, на которого злилась собака, то ей стало всё понятно: от него сильно пахло котами. Беспардонными, привыкшими метить всё, что попадётся им под хвост. В том числе, и этого милого безобидного дядечку. Своего собственного хозяина...

С этим запахом собака Тыкверов смириться, конечно, не могла.

– Инокей, называйте меня Эсфирь Абрамовна! – уже в дверях услышала вдруг Ульяна произнесённую по-русски фразу. Впрочем, сказана она была с таким странным акцентом, что казалось, будто кто-то решил подшутить над гостями.

Но сейчас-то никто не шутил. Полный серьёз.

Это бабушка Эсфирь продолжала блистать знанием языка перед новым родственником.

Обернувшись, Ульяна увидела, как папа целует сияющую акриловым маникюром бабушкину ручку. Бабушка была в экстазе и кричала по-русски «На здоровье!».

– Да, здоровья, конечно, тут нужно много. Держись, папаня... – изо всех сил стараясь не захохотать, пробормотала Ульяна.

Было понятно, что комическая старушка Эсфирь Абрамовна – центр тыкверовского мира. Его мотор. Ядерный реактор.

И возле этого реактора теперь предстояло жить...

Что-то вроде безысходной тоски затянуло жалобную песню в душе Ульяны.

Однако увидев новенькую белую кроватку, розовое, совсем детское постельное бельё с принцессами, распахнутую в душевую комнату дверь и заботливо развешенные там полотенца с медвежатами, Ульяна даже расплакалась от благодарности.

Ребеккина мама обняла её и погладила по спине.

– Не волнуйся, девочка, – проговорила она, – мы тебя обязательно полюбим.

* * *

Семейный ужин, на который папе пришлось разбудить Ульяну, заснувшую под одеялом принцессы, прошёл уже спокойнее. Состав родственников немного изменился – некоторые уехали, в том числе и пострадавший от котов мужчина. Зато появились его жена, она же дочь сестры Эсфири, сестра Барбары Ивановны Моника Ивановна. Эсфирь Абрамовна с огромным удовольствием выкрикивала их имена и отчества по-русски. При этом веселилась только она. Конечно, вынужденно хихикал ещё и Иннокентий. У бабушки не получалось произнести его имя, и она лепила каждый раз что могла, но в этих неуклюжих неологизмах было трудно узнать имя «Иннокентий». Остальные же вполне спокойно называли его Кен. Ещё приехали дедушка Иван

Венедиктович (он же Джон Самерсед Стетсон, отец Барбары Ивановны), муж Моники Ивановны Майкл – понятно, переделанный бабушкой в Михаила. Бабушка Эсфирь получала удовольствие от того, что сочиняла американцам отчества, для чего уточняла у всех имя родителя. Но вот муж Моники долго отказывался назвать имя своего папаши, чтобы Эсфирь Абрамовна не вылепила из него отчество. Бабушка злилась, заставляя большого накачанного Майкла напрягаться и краснеть. Эсфирь Абрамовна приставала к нему до тех пор, пока Моника Ивановна не прошептала ей на ухо, что Майкл – канзасская сирота и родителей своих не знает. Только тогда бабушка смиростивилась и разрешила Майклу остаться Майклом. Правда, в середине вечера она ни с того ни с сего крикнула ему по-русски: «Ну и злодей ты, Мишка!» Мишка покраснел и подобострастно улыбнулся, сочтя эти слова за комплимент.

Где бабушка Эсфирь намострячилась говорить по-русски, Ульяне ещё предстояло выяснить – наверняка это будет долгий и эмоциональный рассказ. Но пока было видно, что в обычной жизни поговорить на русском языке ей не с кем, поэтому-то она сейчас и отрывалась...

За ужином Ульянин папа неторопливо отвечал на вопросы о России, своей семье, работе. Спросили и Ульяну – как она учится, чем увлекается. Странно, но никому не было интересно, кем Ульяна хочет стать, когда вырастет. Может быть, все решили, что девочка, как и папа, станет перевод-

чицей? На английском Ульяна говорила отлично, потому что выучила его ещё в детстве. Иногда она даже думала то по-русски, то по-английски. Ещё она изучала испанский и немецкий, однако по достоинству оценить её степень владения ими никто, кроме папы и Ребекки, здесь не мог. Но те не выдавали Ульяну и не донимали её просьбами продемонстрировать испанскую или немецкую речь, за что девочка была им благодарна. И её симпатия ко всей этой компании неуклонно возрастала.

Выяснилось, что у Майкла и Моники есть сын Джон.

– Ванька! – тут же выкрикнула бабушка Эсфирь.

Ваньке было семнадцать, и сейчас он находился с друзьями в конном походе в штате Коннектикут. Скоро Джон должен был вернуться, так как начинался учебный год. Его родители специально приехали в Нью-Йорк и ждали здесь его возвращения. Так что прежде чем они отправятся домой, Джон обязательно познакомится с новой родственницей.

Ульяна хихикнула, вспомнив рассказ Ребекки про зажигательный роман юной няни и серьёзного мальчика Джона. Страсть как захотелось узнать, продолжается ли их роман – эта парочка заочно вызвала у неё симпатию.

Хотя Ульяна перенервничала и очень устала, ночь прошла почти без сна. Конечно, сказывался долгий перелёт и большая разница во времени. Когда девочка леглась в кровать, в Москве начиналось утро.

Понятно, что уже завтра молодой организм вполне осво-

ится. Но это завтра.

А сегодня, прислушиваясь к тишине старинного зажиточного бруклинского квартала, Ульяна, как ни старалась, даже представить себе не могла, что ждет её впереди. Завтра, послезавтра и во все последующие дни...

Глава 3

Гулять!

– Только на Манхэттен! – едва Ульяна открыла дверь и высунула нос из своей комнаты, раздался громкий голос бабушки. – Только Дом Имперского Штата! И никаких «сначала Бруклин»! Что тут у нас хорошего? Они должны первым делом увидеть всю мощь и красоту города, а это возможно только с Манхэттена! С высоты! С высоты птичьего полёта!

– Бабушка, когда ты там птиц видела? – вслед за голосом Эсфири Абрамовны послышался голос Ребекки.

– Это образ, образ! Фигура речи! Птицы летают высоко, видят далеко. Ты что, не помнишь, какой прекрасный вид открывается со смотровой площадки? Наша страна, наш город, наша гордость! Вот что надо показать в первую очередь.

– Хорошо, бабушка, конечно, сразу туда... – покладисто бормотала Ребекка. – А потом куда?

– Я предложил бы... – еле слышно донёсся голос Вашингтоши, благодушного папы Ребекки.

Ульяна хихикнула и закрыла дверь. Она поняла – все давно проснулись, собрались внизу в гостиной и обсуждают планы на день. Конечно, Ульяна руками и ногами была за прогулку! Разумеется, сначала Манхэттен, чтобы первым делом

посетить Эмпайр-стейт-билдинг², на высоте которого каждый американец может с гордостью почувствовать себя повелителем мира. Бабушка рулит! Хотя наверняка каждый турист, оказавшийся в Нью-Йорке, первым делом лезет на всем известную башню.

Ну и правильно! И мы туда же!

Ульяна встряхнула из чемодана свои немногочисленные вещи, быстро подобрала подходящую одежду, разложила её на кресле и бодро побежала умываться.

Когда она оделась и вышла из комнаты, в доме было тихо. Все уже стояли на улице у крыльца. И сражались. Бабушка Эсфирь запрещала вызывать такси. Ей хотелось самой довезти семью до главных достопримечательностей. Как ни увещевала Ребекка, что на такси будет быстрее и спокойнее, бабушка не соглашалась. Это была её идея – а потому никаких компромиссов! Она усадила в свою машину сынишку Вашингтошу с супругой и Ульянку. Единственная бабушкина уступка заключалась в том, что Ребекка с Кеном должны были ехать на метро – демократично и быстро.

Наконец машина тронулась с места. Бабушка рулила уверенно, непрерывно что-то рассказывала и въезжала в каждую выбоину на дороге, которые начинались сразу за

² Эмпайр-стейт-билдинг (Empire State Building) – небоскрёб с двумя смотровыми площадками, открытыми для посетителей, офисное здание в Нью-Йорке. Дословно название можно перевести как «Дом Имперского Штата». Имперским Штатом американцы называют сам Нью-Йорк – мировой центр культурной и экономической жизни.

Бруклинским мостом.

– Не успевают чинить, движение не останавливается ни днём, ни ночью, – вздыхала она вместо того, чтобы чихнуть власти.

Так как была суббота, парковочное место бабушка искала долго. Она возила семейку, огибая кварталы, ругаясь и нарезая круги. И только вдоволь накрутившись среди корейских ресторанов, закусочных и бургерных, наконец отыскала свободное местечко для машины. Устала, расфыркалась, так что к очереди на знаменитую башню её вели под руки.

Ребекка и Ульяновкин папа давно были на месте, даже заняли очередь. У них оказался целый пакет еды: печенье, орешки, газировка. Они были весёлыми и беззаботными. Бабушка хлебнула газировки, успокоилась и, раскатисто захохотав, пошутила про субботний отдых и поток провинциалов, в очереди с которыми она сейчас стоит.

Очередь двигалась медленно, заворачивалась улиткой вдоль натянутых между столбиками леерных лент. Через час с небольшим дружная компания наконец попала внутрь здания, но до лифтов было ещё далеко. Вашингтон Тыквер, оглядываясь, улыбался. Бабушка Эсфирь торжественно рассказывала, что её сын, будучи студентом и молодым отцом, несколько раз участвовал в ежегодном забеге по лестницам башни. Да-да, есть такой забег – с первого по восемьдесят шестой этаж на время мчатся бегуны: соревнуются, кто домчит быстрее, кто побьёт предыдущий рекорд. Вашингтоша

приходил в числе первых пятидесяти человек, а его лучший результат – попадание в первую десятку! Так что семье

Тыкверов Дом Имперского штата ну просто как дом родной!

Тянулись минуты, складываясь в часы, – в это время можно было бродить по улицам, изучая город. Второй час, третий... Ульянка скучала, но улыбалась довольным Тыкверам. Лифт, второй лифт. Тесно, люди, много, близко, просто вплотную...

Но на смотровой площадке, когда восемьдесят с лишним этажей остались внизу, Ульяна забыла о мучительном ожидании. Вот это да! Перед ней возникла потрясающая картина. Какая могучая даль! Торжество человеческой мысли, смекалки, бесстрашия и компромиссов! И такие высотные дома, и сякие. На маленьких квадратах земли умещаются здания, которые этаж за этажом поднимаются в небо – и уступами, и крендельками, и пирамидкой...

Блестит на солнце, посылая прямо в глаза жёсткие лучи, стекло окон и целых стен, бликуют погашенные на день мириады рекламных фонариков. Они не складываются в фигуры и надписи, а лишь напоминают о себе блеском.

Ульянка наслаждалась. Она обошла по кругу зарешеченную площадку восемьдесят шестого этажа. Бесстрашно толкалась и извинялась, делая реверансы туристам, старалась не мешать тем, кто фотографируется, два раза даже щёлкнула чужим фотоаппаратом, чтобы заснять одну парочку. Вот это

город, вот это сила и мощь человека! Ульяновка и папа уважали труд и талант, и здесь, в Нью-Йорке, куда ни глянь, его было в избытке.

К Нью-Йорку, такому могучему и величественному, хотелось прижаться – да-да, отсюда, с высоты башни Ульяне хотелось, чтобы весь Нью-Йорк был с ней.

На высоте ветер оказался ледяным, он рвал кожу с лица, растрепал Ульянке волосы и унёс пушистую резинку с гномиком.

Ульяна бросала монеты в прорезь и водила окуляром смешного телескопа, рассматривая дома и улицы. Иногда даже удавалось разглядеть, что едят проходящие по тротуарам люди, рекламу, надписи.

Вот телескоп наведён на воду – как её много! Папа хотел посмотреть на реку Гудзон, припал к глазку. А когда его сменила Ульяна, она увидела... лес.

– Это штат Нью-Джерси, он на том берегу! – объяснила Ребекка. – Мы съездим туда. Там отличные магазины.

Лес казался другим, таким странным. Ульяна привыкла к милым паркам, ухоженным полям, трогательным старинным мельницам Европы. В лес, просто в лес не хотелось. Ульяна не боялась заблудиться в каменных джунглях. Город есть город – будь он азиатский, африканский или такая вот громада вроде Нью-Йорка. Язык города был ей приятен и понятен. А всё дикое и неизведанное... Да такого в Америке не будет! Так что не пугай, лес.

Ульяна перевела окуляр на район Центрального парка. Ухоженные деревья, дорожки, водоёмы, статуи, киоски – красота и гармония.

Папа купил билеты на площадку сто второго этажа. Эсфирь в экстазе хлопала в ладоши, блистая ногтями. Но Ульяне на верхней площадке не понравилось, так что они с Ребеккой уехали вниз. Пока папа внимал рассказам уважаемых родственников, они разглядывали на первом этаже изображения семи чудес света.

На улице Эсфирь потребовала отправиться пешком на нижний Манхэттен, смотреть вновь отстроенную на месте трагически погибшего Всемирного торгового центра Башню Свободы. Бабушка уверяла, что Башня Свободы в особенно ясные дни машет своей верхушкой Статуе Свободы – это легко замечают те, у кого острое зрение. Она неустанно повторяла «Пойдёмте-пойдёмте-пойдёмте!» и обещала, что по пути они встретят много интересного, а также зайдут пообедать в ресторанчик.

Но вот тут родители Ребекки проявили твёрдость. Вечером они ждали гостей, им нужно было подготовиться, а потому они вызвали такси и умчались домой. Бабушка хищно потёрла ладошки и, оглядев внучку, её жениха и Ульянку, скомандовала идти вперёд. И бодро зашагала по улицам, на которых прошла её молодость.

Все трое её экскурсантов плелись за ней без энтузиазма. До нижнего Манхэттена было весьма неблизко. Пекло солн-

це, поток туристов не иссякал. Бабушка с восторгом говорила о том, что сначала они пройдут мимо Университета Нью-Йорка, где училась Бекки – жених будет преступником, если не увидит это место прямо сегодня же.

До университета было ещё очень далеко, как вдруг раздался звонок мобильного телефона. Бабушка припала к нему, а потом неожиданно крикнула:

– Кэрри!

И поход отменился. Звонила бабушкина подруга Кэролайн, она как раз отоваривалась на фермерском рынке на Площади Объединения³. И раз Эсфиренька так удачно оказалась рядом, это отличный повод встретиться и заодно продемонстрировать будущим родственникам всю щедрость сельского хозяйства страны.

Бабушка развернулась, решительно взяла восточнее и повела свой отряд обратно.

И вот тут проявила характер Бекки. Она сказала, что должна вернуться к Эмпайр-стейт-билдинг, потому что рядом находится магазин «Мейсиз»⁴, в котором жених непременно должен что-нибудь приобрести невесте. А потому

³ Площадь Объединения (Union Square) – площадь на Манхэттене, построенная на месте пересечения двух центральных магистралей Нью-Йорка, улиц Бауэри и Бродвей. Знаменита тем, что долгое время являлась местом для политических выступлений. Сейчас по чётным дням недели на ней располагается фермерский рынок.

⁴ Macy's – один из старейших магазинов в Нью-Йорке. Его здание на Манхэттене занимает два квартала.

пусть бабушка покажет овощной рынок Ульяне, а потом возвращается домой и ждёт прихода гостей.

Подхватив Кена под ручку, Бекки умчалась. Папа только успел подмигнуть Ульяне и сказать: «Звони!»

Ульяна вздохнула. Жених с невестой пожертвовали ею как пешкой в своей предсвадебной игре. Ну, уж они имели на это право.

Ульяна не обиделась. Ради папиного счастья она была готова осматривать не только фермерский рынок.

– Я знаю, что я тебе сейчас куплю! – крепко держа Ульяну за руку, сказала весёлая раскрасневшаяся Эсфирь. – Я куплю тебе настоящий тыквенный пирог. И ты его съешь. В знак присоединения к нашей семье. Я сейчас объясню почему. А может, ты уже знаешь эту историю.

И бабушка начала очередной рассказ. Она поведала о том, что фамилия Тыквер происходит от русского слова «тыква». Однажды красавица Эсфирь Захуфитцер по большой любви вышла замуж за Моисея Тыквина. Это в своей семье он был Тыквин, а по-местному Тыквер.

Но вскоре жонглирование тыквенными фамилиями закончилось – Эсфирь увидела Кэролайн и заключила её в объятия. Порция объятий досталась и Ульяне. Кудрявая Кэролайн, оснащённая очками с толстыми линзами, как следует потрясла Ульяну за плечи, и девочка зашагала вслед за подругами вдоль торговых рядов с сельдереем и морковью. Стоили здешние товары дорого, но Эсфирь уверяла, что це-

на оправдана, потому что эти продукты выращивались без намёка на усилители роста и вкуса.

Да, овощи-фрукты были хороши, но совершенно не интересны.

Ульяна смотрела по сторонам и терпеливо слушала трескотню Эсфири и Кэролайн.

Кэролайн и так уже знала о грядущих переменах в семействе Тыкверов, но сейчас подруги обсудили эту тему ещё раз. Прерывая обсуждение, они восхищались продуктами. Их потрясали сыры, патиссоны и салатный портулак, они говорили «о-го-го» бараньим ногам и дыням.

– Вот он, урожай! – восклицала Эсфирь, поводя широким жестом то на правые ряды прилавков, то на левые. – Вот оно, изобилие! Вот такое оно у нас, индейское лето!

После этого подруги подвели Ульяну к пирогам. Настоящим американским пирогам с тыквенной начинкой, традиционным и незыблемым, как Рождественская ёлка и индейка на День благодарения.

Большие и маленькие пироги, как в мультфильмах про смурфиков, были щедро разложены на прилавках. Эсфирь выбрала самые тёмные, кое-как слепленные, заявив, что они изготовлены из экологичной непросеянной муки по рецептам семнадцатого века. Большой пирог она завернула в пакет и убрала в свою огромную сумку, украшенную стразами и кисточками. А маленький корявенький вручила Ульяне:

– Ешь, детка. Приобщайся. Наслаждайся. И загадывай же-

ление.

В это время бабушке Эсфирь позвонили.

– Машина! – крикнула она, выслушав голос на другом конце провода. – Надо срочно переставлять машину, а она у меня припаркована незнамо где! Забыла я что-то про неё. Я с таким трудом припарковалась, а теперь мне эвакуатором грозят...

Бабушка заметалась, но догадалась вызвать себе такси на угол Семнадцатой улицы, чтобы мчать спасать машину. Сказала, что пригонит её тоже на Семнадцатую, так что пусть Ульяна и Кэрри ждут её рядом с прокатом велосипедов.

Эсфирь умчалась, а Ульяна под умильным выжидающим взглядом Кэролайн принялась за пирог.

Пирог оказался далеко не такой прекрасный, как вид Нью-Йорка с высоты птичьего полёта. Дубовую корку ещё можно было как-то разжевать, но пресная сладкая начинка из печёной тыквы могла порадовать разве что занесённых ветром в Америку пуритан семнадцатого века, слаще морковки ничего в жизни не пробовавших.

Ульяна только пару раз откусила – и часть тыквенной начинки оказалась у неё на майке, стекла по ней и плюхнулась на асфальт. Ульяна закрыла рот и попыталась проглотить оставшуюся часть пирога. Она с уважением относилась к народному творчеству и национальной кухне, но пресная комковатая субстанция подкосила её силы.

– А где здесь туалет? – спросила она Кэролайн.

Бросив злосчастный пирожок в урну, девочка и старушка отправились на поиски. Пластиковые кабинки показались за деревьями.

– Давай-ка рюкзак поддержи! – предложила Кэролайн, видя, как Ульяна на ходу пытается оттереть тёмно-оранжевое пятно бумажными носовыми платками. – Я тут постою и подожду. Беги, водой смой.

Ульяна побежала к туалетам, оставив добрую старушку у лотка с мороженым.

Глава 4

На северо-восток от Площади Объединения

Вода из крана лилась с трудом, зеркало наискосок пересекала трещина. Стало быть, человек везде человек, страсть к разрушениям жива на всех континентах. Ульяна усмехнулась, подумав об этом, и в мокрой, но чистой майке вышла из туалета. Осмотревшись, она двинулась туда, где её ждала бабушкина подруга.

И увидела, что Кэролайн... протягивает руку какой-то девочке! В другой руке старушки болтался Ульяновкин рюкзачок, плечом Кэролайн прижимала к уху мобильный телефон. Радостно улыбаясь, она продолжала что-то кричать в трубку. Что именно, конечно, было не слышно. Тут Кэролайн подхватила девочку под руку, решительно развернулась и, продолжая болтать по телефону, начала удаляться, ускоряя шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.